

УДК 82-92

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ПУБЛИЦИСТИКЕ М. ОСОРГИНА

© 2011 С.Н. Гладышева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 4 июня 2011 года

Аннотация: В статье анализируются публицистические циклы эмигранта первой волны М. Осоргина «В тихом местечке Франции» и «Письма о незначительном», в которых нашли отражение события Второй мировой войны. Рассматривается пацифизм публициста, который в отрицании войны и насилия в целом следует традиции Л. Толстого. Выявлено, что в центре внимания автора находится человек, который пытается противостоять алогично-сти, безумию мира, сопротивляется насилию, отстаивает идею неприкосновенности лично-сти. Подчеркивается, что публицист ставил в своих произведениях вневременные проблемы — война и мир, человек и война, свобода и достоинство человеческой личности.

Ключевые слова: первая волна российской эмиграции, публицистика русского зарубежья, М. Осоргин, Вторая мировая война.

Abstract: Political essays «In a Quiet Place of France» and «Letters about the Insignificant», which were written by Russian emigrant of the first wave M. Osorgin, are analyzed in the article. The essays tell us about the events of the World War II. The pacifism of the author is one of the most important aspects of the article. By denying war and violence the author follows mainly the L. Tolstoy's tradition. In the centre of the author's attention we see a man that is trying to oppose the illogical, insane world, a man that resists the violence, defends the idea of inviolability of the persons world. It is emphasized that the author exposed such eternal issues in his essays like war and peace, a man and war, freedom and dignity of a person.

Key words: the First Wave of Russian Emigration, Russian Emigre Public Writing, M. Osorgin, World War II.

М.А. Осоргин, высланный из России на так называемом «философском пароходе» в 1922 году, стал значимой фигурой в культурной жизни эмиграции первой волны. Мировую известность ему принес роман «Сивцев Вражек» (1928), опубликованный во Франции и сразу же после выхода переведенный на основные европейские языки. Наряду с созданием романов, повестей и рассказов Осоргин, как и большинство писателей-эмигрантов, активно занимался публицистической работой. Он сотрудничал в авторитетных изданиях русского зарубежья — газетах «Дни», «Последние новости», журнале «Современные записки». Однако писатель никогда не участвовал в жарких политических спорах, которые активно велись на страницах эмигрантской прессы. Он всегда выступал как противник всех форм на-

силия и подавления свободы.

Осоргин-публицист тяготел к форме циклизации публикаций, которые печатались по многу месяцев или даже лет (например, очерки из цикла «Встречи» печатались в «Последних новостях» с 1928 по 1934 гг.). С момента оккупации гитлеровцами Франции он лишился трибуны, поскольку все русскоязычные издания были закрыты. Покинув Париж, Осоргин обосновался в маленьком городке Шабри, который находился в свободной зоне. Именно здесь были написаны публицистические циклы «В тихом местечке Франции» и «Письма о незначительном», в которых нашли отражение события второй мировой войны. Первая публикация корреспонденций Осоргина из воюющей Европы состоялась в 1940-1942 гг. в газете «Новое русское слово», выходящей в США.

Создавая первый цикл — «В тихом местечке Франции», — автор избрал дневниковую форму

изложения, позволяющую фиксировать и детали внешней жизни, и оттенки собственных переживаний. Но это дневник особого рода, в котором автор сознательно отказывается от датировки, поскольку он вел «запись не поденных, а едва ли не получасных впечатлений, в любой момент тишины или ее резкого нарушения, во все минуты жизненного неправдоподобия» [3, 10]. По Осоргину, прежний человеческий счет отменен в «мире опрокинувшемся»; время, прожитое им с июня по декабрь 1940 г. в Шабри и описанное в дневнике, равняется тысяче лет.

В центре публикации — «тысячелетние» переживания автора, «когда жизнь в любую минуту может пресечься»; «жизнь в обстановке смерти, вплотную подошедшей» [3, 10]; «маленькая история душ, сжатых в комочек» [3, 9-10]. Человек перед лицом войны, страшной надвигающейся катастрофы, которая идет за ним по пятам; человек, не принимающий войну, отрицающий ее, — вот на чем сосредоточил свое внимание Осоргин и в дневнике, и в «Письмах о незначительном». Автор неоднократно подчеркивал аполитичность своих заметок: «Я здесь чуждаюсь всяких политических оценок [3, 44], <...> политика исключена в этих моих записях» [3, 50]. События войны рассматриваются им с общечеловеческих гуманистических позиций.

По мысли автора, у войны нет оправдания, так как она «сама по себе есть высшая форма преступления (соединение убийства, насилия и вооруженного грабежа)» [3, 254]. «Я проклинаю войну, всякую войну, каков бы ни был ее облик, чем бы она ни была вызвана. Все лучше, чем война» [3, 30], — уверен Осоргин. «Война принижает дух, ничем его не обогащая» [3, 34], «победителей на войне не бывает — все будут побежденными» [3, 106], — утверждает публицист. Его поражает ужасная «бессмысленность человеческих испытаний, их явная ненужность» [3, 131]. Осоргин ставит диагноз современности — «мы живем в дни механизированного безумия» [3, 131], «в преступном мире с оледенелым сознанием» [3, 213]. Мир, по его мнению, алогичен, в нем принят «за основной закон существования взаимоубийство» [3, 502].

Осоргин вспоминает свой предыдущий опыт: «Дважды в жизни я был военным корреспондентом большой газеты <...>. Я видел на войнах только маленьких людей — Иванов, Жанов, Гансов, — обернутых в сукно защитного, но не защищающего от смерти цвета, видел истоптанные, выжженные огнем, изрытые снарядами поля, уничтоженные сады, отравленные газом леса, смятые стада беженцев, видел исковерканные тела и оскаленные зубы мертвецов...» [3, 21].

Гуманизм Осоргина обусловил его особый взгляд на войну — в лицах, через людские судьбы.

Он замечает: «То, что так просто читается по печатному, — «разрушены дома удачным налетом», «пожар наблюдался за семьдесят километров», — все это ставшие привычными строки нужно осмыслить и разложить на малые жилые пространства и единицы, — и увидеть кирпич, дробящий голову, ощутить запах жареного человеческого мяса, услышать крики, распластывающие душу» [3, 131].

Представляют интерес размышления Осоргина о героизме и цене человеческой жизни. Комментируя факт — сбиты три самолета, — он отмечает «опрокинутость» сознания людей в военное время: «Только пятеро молодых людей не будут жить, да лишних двадцать родных в слезах и трауре! Отбросим чувствительность, и ужасное преступление становится подвигом» [3, 212-213].

Автор дневника анализирует сообщение в прессе о том, что доведенная до отчаяния беженка убила обрубок дерева свою малолетнюю дочку и пыталась покончить с собой. «Беженка убила только одну девочку, и убила в те дни, когда по небу летали над дорогами мальчишки и убивали из пулеметов и девочек, и взрослых беженок, их матерей. Беженку посадили в тюрьму, мальчишки продолжают летать. Она преступница, они героини» [3, 213], — фиксирует публицист искаженное войной мировосприятие людей.

Еще один факт, содержащийся в газетной заметке, представляется Осоргину символичным — в Париже покончил с собой Мейстер, человек, на котором Пастер впервые испытал действенность прививки против бешенства и спас его от смерти. «И вот теперь, в старости, он испугался страшных последствий взбесившихся людей, от которого мы все теряем разум и погибаем. Прививки нет от этого бешенства, нет великого Пастера, который мог бы нас спасти» [3, 110], — считает автор дневника.

М. Осоргин в своем отрицании войны выступает нравственным максималистом, следуя традиции «позднего» Л.Н. Толстого. В статьях «Carthago delenda est», «Не убий», «Две войны», «Христианство и патриотизм», «Патриотизм или мир?», «Офицерская памятка», «Солдатская памятка», «Письмо к фельдфебелю», написанных на рубеже веков, Толстой осуждал войну как форму организованного убийства, показывал ее бессмысленность и античеловеческий характер. Осоргин утверждает: «Отвергая войну без всяких оговорок, я отвергаю не только орудия, но и стрелы, копье, и кинжал. Принимая войну хотя бы в одном случае — вы должны принять равно обстрел авиационного поля и детского приюта!» [3, 52].

Весомым аргументом в пользу отрицания насилия как способа решения конфликтов между государствами и людьми М. Осоргин считает

пример собст-венной жизни: «Крушение моей личной жизни — пустяк и в счет не идет; но и этот пустяк — огромная несправедливость, потому что маленькую мою жизнь я целиком затратил на созидание, тоже маленькое, по моему росту, по моим силам и способностям» [3, 30].

Сквозь все дневниковые записи проходит противопоставление живой природы и мертвого начала, которое человек с помощью разного рода орудий убийства вносит в жизнь. В саду — пышно зацветающие розы, выращенные из черенков, начавшая румяниться смородина, наливающийся крыжовник. В небе — гудят самолеты, слышится вой сирен, свист падающего близко снаряда, к которым нельзя привыкнуть. По мнению автор, «несовместимы мироощущения, между которыми, как детский мяч, перекидывается наше сознание: или нет живой незыблемой природы, или нет ужаса, вносимого в нее злой человеческой волей!» [3, 18].

Еще одна антитеза проходит через все дневниковое повествование: разрушение и созидание. Осоргин подчеркивает, что во время войны «ряд стран — десятки миллионов людей — ничего не произвели, только разрушали». «Странный способ строительства человеческого счастья!» [3, 60], — с горькой иронией замечает публицист. По его мнению, мир во время войны превращается в «царство железного лома; царство опустошенных умов» [3, 60].

Символом созидания для Осоргина становится крестьянин-виноградарь, за работой которого автор наблюдает с уважением и надеждой: «С раннего утра и до заката виноградарь мотыжит землю и подвязывает низкие лозы. Когда небо гудит, он подымает голову и смотрит без любопытства и неодобрительно, — но лишь с полминуты. Какие-то люди заняты взаимоистреблением; ему, занятому выращиванием винограда, нет до этого дела» [3, 36].

Размышляет Осоргин и о судьбах демократии в годы войны. Падение Франции для него «знаменует собою последнее пленение личности коллективом, победу государственности над гражданственностью, бронированного кулака над свободной волей» [3, 89]. Писатель неистово верит в «искру правды»: «право личности на свободное ее самоопределение; если эта искра погаснет, то в мире будет темно, как в могиле» [3, 89-90].

На протяжении всего публицистического цикла прослеживается нелегкая эмигрантская судьба автора, он размышляет об участи соотечественников, покинувших родину. «С ранней молодости до преклонных лет — тюрьмы, ссылки, революция, бегство, эмиграция, война и снова революция, тюрьмы, ссылки, приговоры, высылка в Европу, сейчас обратившуюся в сумасшедший

дом» [3, 34], — замечает он. «Мы, беженцы в квадрате, давно лишенные и подлинной своей родины, и насиженного места в чужой, живущие без ясного будущего день за днем» [3, 146], — с горечью констатирует писатель.

Осоргин подчеркивает, что в общих бедствиях потерялся смысл понятия «иностранец», русские и французы — «единая семья несчастных» [3, 55]. «Мы все одинаковы под колесами истории!» — утверждает автор дневника. Если мир не откажется от насилия, то, по мысли Осоргина, впереди маячит страшное будущее человечества — «всеобщее счастливое рабство, атрофия мысли и воли, механизация движений, отмена чувств» [3, 30].

Но все же публицист-гуманист уверен, что война не способна уничтожить человеческое в человеке, что «гибель внешнего еще не убивает веры в святость и благородство духовного союза» [3, 86].

Отрицание войны и насилия в целом продолжается и в «Письмах о незначительном» Осоргина. Точная датировка каждого послания подчеркивает динамику событий (первое письмо датировано 27 декабря 1940 г.; последнее — 22 октября 1942 г.). Между двумя этими датами — целая жизнь, наполненная ужасами войны.

Форма писем без адреса позволяла публицисту обращаться ко всем читателям сразу и к каждому в отдельности. Тяжело больной Осоргин делится с адресатами своими сокровенными мыслями, приглашает к соразмышлению. Безумие мира, по его мнению, заключается в том, что «половина мира воюет, другая половина готовится к войне». «Когда война окончится, весь мир будет готовиться к новой войне» [3, 275], — таков пессимистичный прогноз автора.

Но М. Осоргин по-прежнему уверен, что «в дни безвременья, когда нет ни начал, ни завершений, ни творческих попыток» [3, 489], неправомерно забывать о нравственной, духовной стороне жизни. В противном случае — люди потеряют человеческий облик. Кроме огромных человеческих жертв, война, по его мнению, страшна тем, что теряют свое значение «вопросы нравственного порядка, и в единую кучу нерасцепимых бирюлек сваливаются понятия подвига и предательства, милосердия и жестокости, любви и ненависти, добра и зла» [3, 503].

Для Осоргина война — это еще и время «заката культуры». В письмах он показывает «до какой низкой степени упали культурные ценности, все без исключения». Он горько сетует: «Гибель культуры заключается в том, что сорной травой зарастает переставшее возделываться духовное поле. Первое, что вызывает война, это заграждения колючей проволоки на путях развития мысли. Культура есть просвещение. Война отодвигает

его на последний план и внутренне извращает» [3, 424].

Осоргин отмечает, что мир в годы войны живет под новым созвездием — созвездием Вспросительного знака. И один из главных вопросов — «Может быть, личное вообще ничтожно, когда вопрос идет о гибели мира и миров?» [3, 501]. Мнение публициста выражено четко и однозначно: «Ответом ужасу нашего времени может быть только героизм личности. Нет надобности сочинять для этого политические теории и навязывать их себе и другим <...>. Довольно, зная свою правду, уметь уважать искренность убеждений другого. В этом и только в этом залог защиты и спасения духовной свободы, против которой ополчились силы войны и похоть темных внутренних побуждений» [3, 408].

По-прежнему в центре внимания автора — человек, который пытается противостоять алогичности, безумию мира, «остановить этот новый откат нашей истории в Средневековье» [3, 327]. «Дело не в государственных границах, не в национальных распределениях; дело в человеке, в его труде и его легком дыхании» [3, 258], — подчеркивает публицист, по сути дела повторяя положения пушкинской речи Ф.М. Достоевского. «Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя и себе, подчини себя себе, овладей собой — и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою» [1, 139], — утверждал Достоевский в речи, произнесенной 8 июня 1880 года на заседании Общества любителей российской словесности по случаю открытия памятника Пушкину в Москве.

Осоргин показывает, что «война, вызвавшая мировую катастрофу, оказывается для множества людей и катастрофой личной, полным крушением не только условий их жизни, но и основ миропонимания» [3, 499]. По мнению публициста, «войне внешней сопутствует борьба внутренняя, каждодневная, на всех житейских фронтах, в крупном и малом, в сказанном и написанном слове, в каждом отклике, в любом жесте» [3, 407].

Автор «Писем о незначительном» уверен, что в океане насилия, множащегося в мире, «сохранить свое лицо, свои убеждения и свои устремления может только отдельная человеческая единица» [3, 407]. «Это и есть единственная задача наших дней, — подчеркивает он, — спасти себя, свою сущность, каким бы испытаниям ни подвергла нас судьба. Невозможно быть нейтральным, но можно и должно остаться самим собой. Не быть косным, но не поддаваться с легкостью внешним влияниям. Человеческой личности объявлена война, нужно защищать свою крепость» [3, 407].

Публицист в каждом письме цикла утверждает приоритет личности: «государство — отвлеченное понятие, и только гражданин — реальная и живая единица, источник и мерило прав» [3, 292]. Не желая мириться с насилием, он отстаивает идею независимости, достоинства, неприкосновенности человеческой личности: «Впереди всех идеологий, религий, учений, политических и экономических теорий, всех обычаев и законов, впереди всего, о чем мы можем договориться или на чем разойтись, — примат свободы моей человеческой личности, которую я не поступлюсь ни ради чего и ни во имя чего» [3, 261].

Н.Б. Лапаева справедливо замечает, что «М. Осоргин противопоставляет идеологическому антропологическое, он выступает как гуманист и защитник всего малого. Смысловое пространство «Писем о незначительном» пронизано антропоцентристскими убеждениями М. Осоргина <...>, защищающего жизнь и свободу человека, оказавшегося в тисках «большой» истории и «больших» дел» [2, 60].

Заслуживает внимания позиция Осоргина по отношению к родине, подвергнувшейся нападению нацистской Германии. В этот сложный период, когда русская эмиграция делала свой нравственный выбор — поддержать родину или Гитлера, видя в нем силу, способную противостоять большевизму, — он готов отказаться от пацифизма. Писатель показывает, что «нежелательный элемент» в европейских странах, русские эмигранты, оставаясь враждебными советскому правительству, не лишены права быть патриотами и желать победы своему народу» [3, 398].

В письмах Осоргина выражено мировоззрение большинства русских эмигрантов первой волны. Писатель ощущает свою причастность к происходящему на родной земле, сочувствует сражающейся России. Это не означало признание им перемен, произошедших на родине после 1917 года и симпатии к большевикам. Это была солидарность с русским народом. Он замечает: «но как не может не жить в душе сознание, что власти, правительства, гонения, политический гнет — все это преходяще, а родина всегда остается родиной, земля-землей, кровь-кровью и что в том и сила человеческой личности, что она способна сама, без стороннего приказа, отречься от своих прав и своей горделивости во имя того, что в известный момент становится общим правом, общей гордостью и общим сопротивлением» [3, 397].

Всегда четко разграничивающий Россию и большевистский режим, в годы войны писатель корректирует свою позицию: «когда швыряются бомбы в московский Кремль, они не в Сталина швыряются, а в сердце России, в ее историческое

бытие. Только ослепленные личной ненавистью могут этого не понимать» [3, 399]. М. Осоргин не скрывает своих патриотических чувств, отмечая, что «именно в эти дни рождается в душе убеждение, что голос крови, нерассуждающая привязанность, простая любовь — лучше и чище высокодумных соображений и искусственно возвращенного космополитизма» [3, 400].

Заметна созвучность мыслей Осоргина и дневниковых записей И.А. Бунина периода войны. Автор «Окаянных дней», который всегда выступал непримиримым противником большевизма, начиная с 22 июня 1941 года всей душой был на стороне России, борющейся с немецким фашизмом: «Русские взяли назад Ефремов, Ливны и еще что-то. В Ефремове были немцы! Непостижимо! И какой теперь этот Ефремов, где был дом брата Евгения, где похоронен и он, и Настя, и наша мать <...>! Полнолуние. Битва в России. Что-то будет? Это главное — судьба мира зависит от этого <...>. Понедельник. Взяли русские Курск, идут на Белгород. Не сорвутся ли?» [4, 219].

В дневниках и письмах М. Осоргина представлена определенная система ценностей, главное место в которой отведено таким понятиям как «свобода», «личность». Публицист ставил вневременные проблемы, которые «выше Гималаев и обширнее океана» [3, 499] — война и мир, человек и война, свобода и достоинство человеческой личности. К сожалению, в пору, когда мир

был переполнен насилием, подобные вопросы рассматривались политиками как мелкие и незначительные.

Публицистические циклы «В тихом местечке Франции» и «Письма о незначительном» — это диалог Осоргина не только с читателем-современником, но и адресатами-потомками; диалог со временем, вечностью. И, в конечном счете, диалог автора с самим собой, своеобразная исповедь на излете жизни — в 1942 году М. Осоргин умер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф.М. Пушкин (Очерк) Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности / Ф.М. Достоевский // Полн. собр. соч. — Л. : Наука, 1984. — Т. 26. — С. 129-149.

2. Лапаева Н.Б. «Письма о незначительном» М. Осоргина и «Дневники» Б. Поплавского : модификация смещенного жанра / Н.Б. Лапаева // Михаил Осоргин : Художник и журналист / Пермский гос. ун-т. Ред.-сост. В.В. Абашев. — Пермь, 2006. — С. 57-67.

3. Осоргин М. В тихом местечке Франции. Письма о незначительном / М. Осоргин. — М. : НПК «Интелвак», 2005. — 544 с.

4. Цит. по: Михайлов О.Н. Строгий талант. Иван Бунин : Жизнь. Судьба. Творчество / О.Н. Михайлов. — М. : Современник, 1976. — 279 с.

*Гладышева С.Н.
Воронежский государственный университет.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры
истории журналистики.
e-mail: gladsn@yandex.ru*

*Gladysheva S.N.
Voronezh State University.
Candidate of Philology, Associate professor (docent) of
department of history of journalism/*